

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.2

EDN: AXJHFN

A.Н. ЩЕРБАК¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, к. 2.

«ЛОКАЛЬНАЯ» ИЛИ «ГЛОБАЛЬНАЯ»? ТЕСТИРОВАНИЕ ДЕТЕРМИНАНТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ¹

Аннотация. Главная исследовательская загадка, к которой обращается автор статьи, состоит в несоответствии теоретических моделей энвайроментализма на основе постматериалистических ценностей и эмпирически наблюдаемого экоактивизма в России, который все более заметно связан с консервативными установками, например, с традициями и патриотизмом. Предлагаемая модель экологической культуры включает и ценностно-нормативные, и поведенческие аспекты, состоит из шести эмпирически измеряемых компонент: важность локальных и глобальных экологических проблем, приоритет сохранения природы или экономического роста, экологическое потребление и экологическое участие. Основное предположение заключалось в наличии разнообразия экологических культур и проверке ряда детерминант выделенных компонент. Для проверки гипотез используются данные опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который проводился в 6 регионах России весной — летом 2024 г. ($N = 1950$). На основе применения методов анализа главных компонент, Т-теста, корреляционного и регрессионного анализа в исследовании подтвердилась валидность предложенной модели экокультуры и были выявлены, как минимум, частичные взаимосвязи предлагаемых компонент с рядом детерминант: региональной идентичностью, экоконсерватизмом и локальной агентностью. Результаты не позволили выделить значимых региональных различий, однако не показали и фокусированность респондентов исключительно на локальных проблемах. Активная вовлеченность в решение различных экопроблем вполне связывается с традиционалистскими установками. Необходим дальнейший поиск моделей экокультур, совмещающих активное отношение к охране природы и традиционализма.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00661 «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения». См.: URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>

Ключевые слова: экологическая культура; региональная идентичность; консерватизм; ценности; экологическое участие; экологическое поведение.

Для цитирования: Щербак А.Н. «Локальная» или «глобальная»? Тестирование детерминант экологической культуры в России // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 31–49.
DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.2 EDN: [АХJHFN](#)

Введение

Данная статья посвящена изучению экологической культуры в России. Любая экологическая политика — национальная или региональная — так или иначе будет соотноситься с базовыми представлениями граждан о важности проблем защиты окружающей среды и о возможном репертуаре своего поведения в данной области. При определении экологической культуры автор статьи опирается на существующие представления зарубежных и отечественных ученых [11; 3; 19; 23]. В российском контексте разработка концепта экологической культуры сталкивается, по его мнению, с дополнительными сложностями. С одной стороны, это должен быть в определенной мере универсальный подход, который следует ранее предложенной логике создания модели экологической культуры на основе ценностно-нормативных и поведенческих компонент [3]. В рамках этого подхода более «прогрессивная» экологическая культура (то есть связанная с большей обеспокоенностью экопроблемами и более высокой готовностью менять свое экоповедение) будет связана с более «прогрессивными» ценностями (постматериалистическими [18], эмансипативными [24]), что и показывают кросс-странные исследования [6]. С другой стороны, в отечественном контексте мы наблюдаем своего рода парадокс российского экологического участия и экоактивизма. Исследования часто показывают преобладание в экологическом активизме традиционалистских фреймов [22; 8], а наличие экоконсерватизма — вместо «прогрессистской» эколиберальной повестки. Почему же в России экоактивизм не соотносится с распространением постматериалистических ценностей?

В данной работе осуществляется попытка в первом приближении дать ответы на поставленные вопросы. Во-первых, на основе оригинальных опросных данных нами предложена модель экологической культуры из шести компонент, которые отражают указанные выше ценностно-нормативный и поведенческий аспекты. Стоит отметить, что экологическая культура в статье понимается именно как набор компонент, а не как «единое целое». Во-вторых, проверено, наблюдается ли региональное разнообразие в оценке этих компонент. В-третьих, тестируется ряд факторов, которые могли бы ассоциироваться с обозначенными компонентами экологической культуры. Основной является проверка значимости региональной идентичности (понимаемой как привязанность к своему региону), а также экоконсервативных установок и локальной агентности (понимаемой как уверенность в способности менять свою жизнь и доверие к соседям). Отчасти это предположение, что граждане беспокоятся и готовы заботиться не о природе *вообще*, а о *своей* природе. Это позволяет ожидать, что локальные проблемы будут существенно важнее глобальных [9], что вполне соотносится с глобальным трендом на усиление правого экопопулизма [14; 17]. Равно как и выбор приоритета

между сохранением природы или экономическим ростом может оказаться не столь однозначным: решение локальных проблем не требует алармизма с призывом радикально поменять общественную модель. Другое предположение заключается в наличии разнообразия — как регионального, так и сущностного — экологических культур. Таким образом, цель данной работы — изучение экологической культуры России в региональном разрезе: с точки зрения как привязки к региону (и местного участия), так и регионального разнообразия.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: *какие факторы влияют на основные компоненты экологической культуры в России?* Как было сказано, данная работа фокусируется на региональной идентичности, экоконсервативных установках и локальной агентности. Соответственно, ее задача — построение модели экологической культуры в России и выявление факторов, влияющих на основные компоненты полученной модели. Ожидается, что эти компоненты будут ассоциироваться с большей значимостью локальных проблем и локального участия. Иными словами, «своя природа ближе к телу».

Эмпирическая стратегия опирается на данные опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который был проведен в 6 регионах весной — летом 2024 г. ($N = 1950$). На основе методов анализа главных компонент, Т-теста, корреляционного и регрессионного анализа показано, что выявленные компоненты экологической культуры в той или иной степени связаны с региональной идентичностью, экоконсерватизмом и локальной агентностью.

Экологическая культура в России

В литературном обзоре сфокусируемся на двух наиболее важных для данного исследования пластиах литературы — это вопросы определения самого концепта «экологическая культура» и измерительная модель данной культуры.

Концепт «экологическая культура»

Экологические проблемы являются важным вопросом повестки любого общества на протяжении многих десятилетий (см., например: [15; 16]). Если ответом общества на данные проблемы на макроуровне является экологическая политика (например, ужесточение экологических стандартов в промышленности, строительстве, а в быту — новые подходы к сбору и переработке мусора), то на микроуровне часто определяется изменение экологической культуры [11; 3; 4]. Как определить экологическую культуру? Одни авторы рассматривают ее через ценностно-нормативный аспект [11], другие — добавляют и поведенческий аспект [3]. В зарубежной литературе концепт «экологическая культура» менее популярен, многие авторы предпочитают исследовать отдельно проэкологические установки [20] и проэкологическое поведение (см. обзоры: [2; 5]).

В данной работе экологическая культура понимается как совокупность экологических установок и паттернов экологического поведения. Эффективность защиты окружающей среды на макроуровне зависит в том числе от изменений на микроуровне — от осознанной готовности граждан изменять свое отношение к природе и свое поведение. Предполагается, что восприятие экологических

проблем может существенно зависеть от регионального разнообразия, особенно в России с ее огромной вариативностью климата, природных ландшафтов, хозяйственных систем и культур.

Существующие исследования свидетельствуют о позитивной связи между постматериалистическими ценностями и активным проэкологическим поведением [6] в рамках эволюционной теории модернизации. Наиболее выраженная поддержка проэкологического поведения и проэкологических ценностей будет отмечаться среди молодых, высокообразованных индивидов из высокодоходных групп, живущих в городах. Такие примеры можно найти также в странах Западной Европы и Северной Америки (см., например: [21]). Однако в России часто наблюдается обратная связь. Наиболее интенсивные экологические протесты происходят в регионах с довольно низким уровнем постматериалистических ценностей, что подтверждается недавними исследованиями: протестующие экоактивисты позиционируют себя как защитников традиционных ценностей [8; 22].

Восприятие остроты экологических проблем опосредуется существующими экологическими установками, которые являются частью политической культуры того или иного сообщества. Экологическая культура может считаться частью общей политической культуры сообщества, что позволяет увязать ее и с другими элементами, в том числе с вопросами идентичности и более широкой ценностной ориентации. Насколько успешно правительство сможет урегулировать экологические конфликты и предлагать решение таких проблем, зависит в том числе от восприятия населением экологической повестки. Исходя из размера страны и ее регионального разнообразия вопрос связи региональной идентичности и восприятия населением экологической проблематики является крайне актуальным. Региональная идентичность связана с типом повестки экологической проблематики, которую можно разделить на традиционную и модернизационную [1; 12].

Традиционную повестку проводят «защитники локальных сообществ», отстаивающие базовые права и свободы местных сообществ и защищающие местные ландшафты от натиска транснациональных корпораций [12]. В данном случае граждане реагируют в основном на видимые проблемы: загрязнение конкретных территорий, планы властей по застройке определенных участков, появление свалок отходов в непосредственной близости от своих населенных пунктов и т. д. Модернизационную повестку проводят «транснационалы», продвигающие глобальную экологическую повестку [1; 12], которая может быть увязана с распространением постматериалистических ценностей и в основном сфокусирована на решении «абстрактных», редко напрямую наблюдаемых многими гражданами проблем. Подобное разграничение на два типа экологической проблематики с различным фокусом позволяет также выделить более широкий спектр возможных компонент экологической культуры. Исходя из понимания экологической культуры как измеряемого и эмпирически обоснованного конструкта рассмотрим принципы ее измерения.

Измерение экологической культуры

Эмпирические исследования экологической культуры в России довольно малочисленны. Отчасти это обусловлено ограниченностью доступных данных, а также, как минимум, частично теоретической неразработанностью моделей экологической культуры. Стоит также признать, что сама по себе задача построения модели экологической культуры является довольно непростой.

А. Курбанов и В. Прохода [3] построили фактор экологической культуры на данных «Европейского социального исследования» (ЕСИ) (*European Social Survey*) из пяти переменных (вопросов) для всех европейских стран, включая Россию. Вопросы касались установок населения по отношению к изменению климата, в том числе степени информированности, индивидуальных установок респондентов, их убежденности в эффективности борьбы с изменением климата. На выходе получилась однофакторная модель, отражающая отношение к изменению климата, но игнорирующая многие компоненты с выделением условно высокого и низкого уровней экокультур. Россия оказалась в группе стран с самым низким уровнем экокультуры; примечательно, что эта группа состояла из постсоциалистических стран. Полученная модель оказалась весьма фрагментированной и противоречивой: слабая обеспокоенность изменением климата (если даже не климат-скептицизм) среди россиян и невысокая информированность об экологических проблемах. Особо отмечается, что в России отсутствует корреляционная зависимость между экокультурой и уровнем образования. Похожая ситуация складывается только в Литве [3, с. 360]. Корреляционный анализ между экокультурой и доходом также показал, что в России наблюдается обратная корреляционная связь ($r = -0,120$). Это означает, что в целом рост материального благосостояния респондентов отрицательно влияет на уровень их экологической культуры [3, с. 362]. Авторы приходят к выводу, что в России несколько иная экологическая культура по сравнению со многими европейскими странами.

В следующей работе Прохода [4] предложил схожую модель экологической культуры на данных ЕСИ на основе следующих вопросов: представления о важности сохранения окружающей среды, личные нормы и убеждения относительно эффективности участия в решении проблемы. Была создана факторная модель для 31 страны, участвовавшей в опросе, что позволило сравнивать эти страны. Как и в исследовании [3], Россия оказалась среди стран с самой низкой экологической культурой; при этом опять для страны был выявлен самый низкий коэффициент корреляции между уровнем образования и экокультурой. Автор констатирует, что «экологическая культура населения в целом выше в странах с развитой экономикой и высоким уровнем жизни» [4, с. 154]. Это подтверждение тезиса о связи проэкологических установок и постматериалистических ценностей в развитых странах.

В других работах тестировались модели проэкологического поведения [2; 5], в том числе с акцентом на поиск детерминант проэкологических установок и поведения. Под проэкологическим понималось поведение, направленное на минимизацию вреда, причиняемого окружающей среде, а также оказывающее на нее благоприятное воздействие [5, с. 174]. Среди основных детерминант оказались пол (женщины более склонны к проэкологическому поведению), возраст (смешанные результаты), образование (чем выше его уровень, тем выше склонность к проэкологическому поведению), уровень дохода (смешанные результаты), социально-психологические и личностные переменные. Интересно, что ряд моделей показали: некоторые виды проэкологического поведения оказались связаны с отдельными консервативными ценностными установками (например, патриотизм, традиционная мораль). Это подтверждает мысль, что в России несколько иная экологическая культура, в которой определенную роль играют традиционные, консервативные установки. Такие соображения уже высказывались в литерату-

ре как на примере кейсов отдельных экоконфликтов [8; 22], так и при изучении экологической политики [7; 9]. В одной из недавних работ было выявлено, что проэкологические установки и поведение в России положительно связаны с экоконсерватизмом, а точнее, с экотрадиционализмом [10]. Под последним понимался комплекс экологических установок, в которых делается акцент на духовность, возрождение села, воинственность (патриотизм) в защите природы, отрицание города и рыночных реформ. Решение экологических проблем предполагается в близости к природе, почве.

Резюмируя, можно сказать, что в отечественной литературе наблюдается нехватка работ по эмпирическому тестированию моделей экологической культуры, особенно с акцентом на региональное измерение и поиск детерминант выявленных моделей. Настоящее исследование стремится восполнить данный пробел.

Теоретическая рамка

Данная работа может восприниматься как своего рода поисковое исследование, направленное на эмпирическую разработку концепта экологической культуры в российском контексте. Для проверки наличия различных экологических культур, в том числе региональных, тестируется довольно упрощенная модель экологической культуры на основе следующих компонент: а) важность экологических проблем — глобальных и/или локальных; б) выбор приоритета в пользу (сохранения) природы и/или экономики; в) экологическое потребление; г) экологическое участие. Первые четыре компонента относятся к ценностно-нормативной части экокультуры, последние две — охватывают поведенческий аспект. Модель допускает наличие противоречий, как минимум, в ценностной части: между глобальными и локальными проблемами, между природой и экономическим ростом. Это может помочь выделить разные конstellации компонент и, возможно, разные культуры. Данная модель не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей и логично взаимосвязанной, однако она включает все основные элементы экокультуры: нормы и ценности, потребление и участие. Главной задачей в рамках данной работы является не тестирование взаимосвязи между компонентами, а поиск универсальных детерминант этих компонент. Основные три предположения заключаются в том, что в российском контексте значимую роль будут играть региональная идентичность, понимаемая как привязка к своему региону; экоконсерватизм и локальная агентность, которая понимается как способность влиять на свою судьбу и доверие к соседям.

Первое предположение заключается в том, что будет наблюдаться значимая связь между основными компонентами экологической культуры и региональной идентичностью: респонденты ценят свою, более знакомую природу и готовы заботиться о ней.

H1: Чем сильнее региональная идентичность, тем сильнее связь со всеми компонентами экологической культуры.

Вторым предположением является важность экологического консерватизма. Ранее уже тестировалось его влияние на экологическую культуру, но без учета региональной идентичности [10]. В значительной степени фактором поддержки

экологической культуры является экотрадиционализм, под которым понимается комплекс установок о разрешении экологических проблем через возрождение духовности, традиций, а также села. Предполагается положительная связь между основными компонентами экологической культуры и экоконсервативными установками в российском контексте.

H2: Чем сильнее выражен экоконсерватизм (особенно экотрадиционализм), тем сильнее связь со всеми компонентами экологической культуры.

Третьим предположением является положительная связь между компонентами экологической культуры и активной жизненной позицией, под которой понимаются агентность и доверие к соседям. Экоконсерватизм не означает пассивного восприятия экологических проблем и отказ от их решения; респонденты на местном уровне готовы заниматься решением вопросов охраны окружающей среды.

H3: Чем сильнее проявляется локальная агентность, тем сильнее связь со всеми компонентами экологической культуры.

В данном исследовании планируется показать, что экологическая культура тесно связана с региональной идентичностью, экоконсерватизмом и локальной агентностью. При этом радиус волнующих проблем не ограничивается местными вопросами.

Данные и методы

Для ответа на поставленные вопросы были использованы данные социологического опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который проведен по нашему заказу исследовательской организацией ЦЕССИ в рамках настоящего проекта. География опроса — шесть регионов России (Свердловская, Костромская области, Красноярский и Забайкальский края, Республика Чувашия и Москва). Эти регионы представляют собой практически все федеральные округа, разные типы субъектов Федерации (области, края, республика, город федерального значения) с разными экономическим весом и характером экологических проблем (условно более «грязные» и более «чистые»).

Метод опроса — телефонные интервью с использованием автоматизированной системы дозвона и организации данных (CATI). Выборка — 300 человек на регион, в Москве — 450 человек, всего — 1950 респондентов. Выборка строилась независимо для каждого региона по единой случайной вероятностной модели на основе случайной генерации телефонов, генеральная совокупность — все население старше 18 лет. Опрос проводился в мае — июле 2024 г.

Преимущественно опросник содержал вопросы про отношение респондентов к экологическим проблемам: важность различных (глобальных и локальных) экологических проблем, личная ответственность за возникновение экологических проблем, отношение к экологии и природе, паттерны проэкологического поведения и его мотивы, экологическое участие и его мотивы и др. Дополнительно в опросник были включены вопросы про ценности, политическое участие, региональную идентичность, различные типы доверия, а также социально-демографические контрольные переменные — пол, возраст, образование и доход.

Эмпирическая стратегия данного исследования включала несколько этапов. На первом этапе отобраны вопросы про экологические ценности и нормы, экопотребление и экоучастие. Было решено использовать для построения модели весьма большое количество вопросов. Для удобства последующего анализа был использован метод главных компонент для снижения соразмерности, что позволило построить шесть факторов, которые рассматриваются как компоненты экологической культуры. Для выявления связей между компонентами был применен корреляционный анализ. Кроме того, анализ главных компонент был использован для создания независимых переменных (факторов) «региональная идентичность», «экоконсерватизм». Во всех случаях были сохранены факторные нагрузки как регрессионные коэффициенты для каждого респондента.

Опросник содержал вопрос о важности экологических проблем. Удалось выделить два фактора: важность локальных проблем (локальные) и важность глобальных проблем (глобальные) (табл. 1).

Таблица 1**Анализ главных компонент: важность экологических проблем**

<i>Насколько важна для Вас проблема (1 – совсем не важна, 5 – очень важна):</i>	Экологические проблемы	
	локальные	глобальные
глобальное изменение климата	0,208	0,816
загрязнение воздуха, земель, воды	0,585	0,340
сокращение биоразнообразия	0,509	0,430
лесные пожары	0,658	0,275
озоновые дыры	0,234	0,850
рост выброса парниковых газов	0,264	0,830
утилизация мусора	0,742	0,085
затопление территорий	0,506	0,443
вырубка лесов	0,764	0,189
захоронение химических, ядерных отходов	0,651	0,216
жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников	0,597	0,236
Доля объясненной вариации, %	30,6	25,4

Примечание. Метод ротации: варимакс с нормализацией Кайзера.

Другой использованный вопрос затрагивал выбор приоритетов для респондента: сохранение природы или экономический рост (табл. 2). Также удалось извлечь два фактора: приоритет природы (природа) и приоритет экономики (экономика).

Таблица 2

Анализ главных компонент: природа и экономика

<i>Вы согласны, что (1 – совершенно не согласен, 4 – совершенно согласен):</i>	Приоритетные факторы	
	экономика	природа
вмешательство человека в природу часто приводит к катастрофическим последствиям	-0,087	0,772
растения и животные имеют такие же права на существование, как и люди	-0,009	0,810
на планете достаточно природных ресурсов, чтобы можно было вести тот образ жизни, к которому мы привыкли	0,721	0,183
природа самостоятельно может справиться с последствиями роста промышленного производства	0,709	-0,204
экономические цели важнее экологических проблем	0,693	-0,111
Доля объясненной вариации, %	30,2	26,8

Примечание. Метод ротации: варимакс с нормализацией Кайзера.

Для измерения поведенческого аспекта модели экокультуры были использованы два вопроса: про частоту экопотребительских практик и про форматы экоучастия (табл. 3). Каждый из вопросов был сведен до одного фактора (экопотребление и экоучастие соответственно).

Таким образом, были получены шесть компонент экокультуры, они же зависимые переменные, которые будут использованы в дальнейшем анализе.

Таблица 3

Анализ главных компонент: экопотребление и экоучастие

<i>Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы (1 – никогда, 5 – всегда):</i>	Экопотреб- ление	<i>Участвовали Вы в этом за последние два года:</i>	Экоучастие
Искали способы повторного использования вещей	0,664	Участвовали в благоустройстве района или города, где Вы живете, за последние два года?	0,554
Сортировали мусор	0,591	Участвовали в подписании петиций, коллективных писем за последние два года?	0,570
Отказывались от использования пластиковой посуды или пакетов	0,611	Делали посты и репосты в Интернете за последние два года?	0,583
Экономили бензин, электричество или отопление	0,557	Делали материальные пожертвования на экологические акции за последние два года?	0,548
Лично делали что-то полезное для природы	0,511	Работали волонтером за последние два года?	0,521

Продолжение таблицы 3

<i>Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы (1 – никогда, 5 – всегда):</i>	Экопотребление	<i>Участвовали Вы в этом за последние два года:</i>	Экоучастие
Сами выращивали экологически чистые продукты	0,458	Подписывались на информационную рассылку за последние два года?	0,533
		Участвовали в каких-либо других действиях по защите окружающей среды за последние два года?	0,522
Доля объясненной вариации, %	32	Доля объясненной вариации, %	30

Источник: Опрос «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России» (2024 г.).

Метод анализа главных компонент был использован также для создания ряда независимых переменных. Одной из главных целей данной работы является выделение различных видов экоконсерватизма (табл. 4). Так, в исследовании [10] было обнаружено, что фактор экотрадиционализма положительно связан с про-экологическими установками и поведением в России. Получены два фактора: экотрадиционализм (решение экопроблем через возрождение духовности, традиций и русского села) и экодирижизм (решение экопроблем через вмешательство государства).

Таблица 4**Анализ главных компонент: экоконсерватизм**

<i>Согласны ли Вы с утверждениями (1 – совершенно не согласен, 5 – совершенно согласен):</i>	Факторы	
	экотрадиционализм	экодирижизм
если возродится духовность, то и природа будет спасена	0,743	0,114
существующие экологические проблемы в стране — порождение либеральных экономических реформ	0,561	0,442
экоактивисты — марионетки крупного бизнеса	0,016	0,758
причина усугубления экологических проблем — чрезмерный рост городов	0,565	0,014
за сохранением села — сохранение природы России	0,744	0,123
экология — арена geopolитической борьбы между странами	0,310	0,672
только государство может решать экологические проблемы	0,056	0,629
зашщищать природу значит защищать родину	0,632	0,137
Доля объясненной вариации, %	28	20,8

Примечание. Метод ротации: варимакс с нормализацией Кайзера.

Еще одной независимой переменной, также полученной на основе анализа главных компонент, является региональная идентичность (табл. 5).

Таблица 5

Анализ главных компонент: региональная идентичность

<i>Согласны ли Вы с утверждениями (1 — совершенно не согласен, 4 — совершенно согласен):</i>	Региональная идентичность
область (край, республика, город), в которой я живу, для меня важнее, чем все другие регионы	0,542
я скучаю по области, когда уезжаю надолго	0,780
я чувствую себя счастливым в своей области	0,794
я считаю, что моя область — самая лучшая в России	0,783
в будущем я планирую переехать в другой регион	-0,594
Доля объясненной вариации, %	50

Источник: Опрос «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России» (2024 г.).

Для измерения локальной агентности были использованы две переменные. *Агентность* измерялась вопросом «В какой степени Вы влияете на ход своей жизни?» (1 — совсем не влияю, 10 — полностью влияю), *доверие к соседям* — вопросом «Насколько Вы доверяете людям, живущим по соседству?» (1 — совсем не доверяю, 4 — полностью доверяю).

Включены были также социodemографические контрольные переменные: *возраст* (количество лет), *пол* (1 — мужчина, 2 — женщина), *образование* (1 — начальное или меньше, 2 — законченное среднее, 3 — среднее специальное или профессиональное, 4 — высшее или научная степень), *субъективный доход* (1 — очень трудно жить на такой доход, 2 — довольно трудно, 3 — этого дохода Вам в принципе хватает, 4 — живете на этот доход, не испытывая материальных затруднений).

Результаты анализа

На следующем этапе было проверено, насколько все выделенные компоненты экокультуры соотносятся между собой, для чего проведен корреляционный анализ (табл. 6). Он показал, что, во-первых, все компоненты коррелируют между собой (кроме тех, которые были извлечены в результате анализа главных компонент из одного набора вопросов), а во-вторых, все корреляции положительные, кроме компоненты *экономика*. Этот результат выглядит вполне логичным: приоритет экономического роста отрицательно относится с любыми проэкологическими установками и поведением.

Таблица 6

Таблица корреляций между всеми компонентами экологической культуры

Компоненты экологической культуры	Локальные проблемы	Глобальные проблемы	Экономика	Природа	Экопотребление	Экоучастие
локальные проблемы	1	0,000	-0,183**	0,235**	0,162**	0,108**
глобальные проблемы		1	-0,090**	0,299**	0,138**	0,148**
экономика			1	0,000	-0,093**	-0,150**
природа				1	0,113**	0,070**
экопотребление					1	0,360**
экоучастие						1

Примечание. Корреляция Спирмена. * — 5%-ный уровень значимости; ** — 1%-ный уровень значимости.

Полученные данные были изучены в региональном разрезе. Средние значения каждой компоненты сравнивались со средним по выборке с использованием метода Т-теста, чтобы выявить различия, которые могут свидетельствовать о наличии особых региональных экологических культур (см. рис.). В выборке было всего шесть регионов с разным экологическим профилем. Проведенный анализ показал, что региональные компоненты почти не отличаются от средней по выборке. Только в случае Москвы ряд компонент — *глобальные проблемы, локальные проблемы, природа* и *экоучастие* — оказываются значимо ниже среднего, что, однако, можно объяснить более крупным размером выборки. Из других регионов только Забайкальский край значительно отличается от средней в более высокую сторону по двум параметрам — *экономика* и *экоучастие*. Чувашская Республика и Костромская область значимо отличаются от средней более высокими значениями по параметру *локальные проблемы*. Такие результаты едва ли позволяют говорить о наличии разнообразия региональных экологических культур, как минимум, исходя из имеющихся данных.

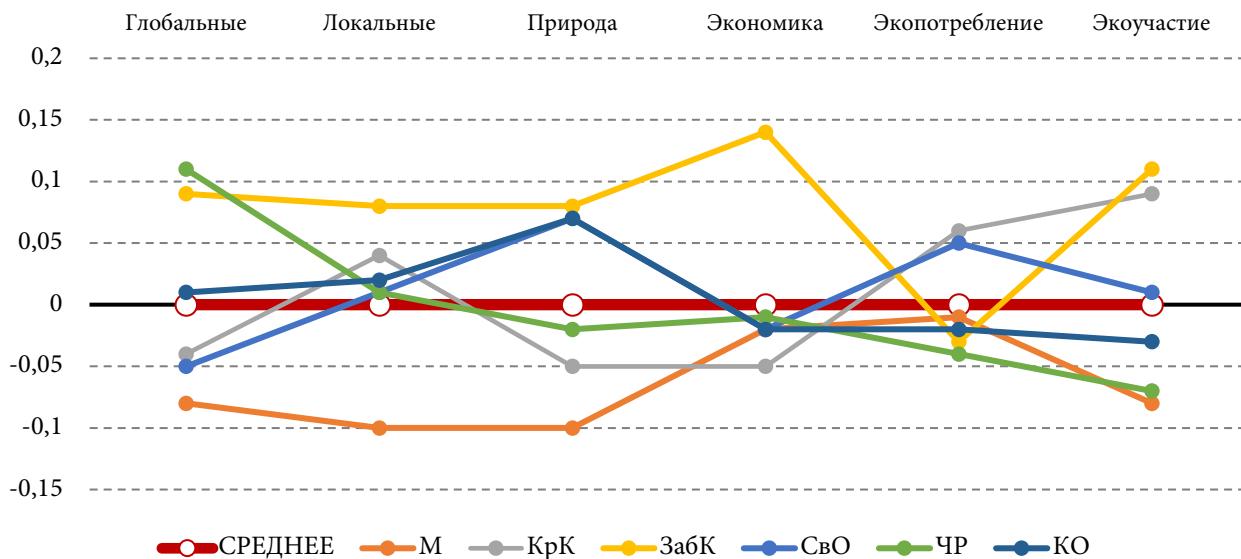

Рис. Компоненты экологической культуры в разрезе шести регионов

На третьем этапе был проведен регрессионный анализ (МНК-регрессия с региональными фиксированными эффектами) для тестирования гипотез о влиянии детерминант на компоненты экологической культуры. Зависимые переменные — компоненты экологической культуры; независимые переменные — переменная фактор региональной идентичности, факторы экоконсерватизма, агентность, доверие соседям (табл. 7). В каждую модель включены социально-демографические контрольные переменные: пол, возраст, образование и субъективный доход.

Таблица 7

Детерминанты компонент экологической культуры: регрессионный анализ

Независимые и контрольные переменные	Зависимые переменные					
	локальные проблемы	глобальные проблемы	экономика	природа	экопотребление	экоучастие
	M1	M2	M3	M4	M5	M6
Constant	-1,482*** (0,236)	0,405* (0,229)	0,528** (0,226)	-0,405* (0,218)	-1,257*** (0,225)	-0,321 (0,227)
Региональная идентичность	-0,056* (0,031)	0,116*** (0,030)	0,107*** (0,029)	-0,008 (0,028)	0,056* (0,029)	0,037 (0,030)
Экотрадиционализм	0,247*** (0,031)	0,252*** (0,030)	-0,026 (0,030)	0,383*** (0,029)	0,119*** (0,030)	0,119*** (0,030)
Экодиранизм	0,074** (0,030)	-0,156*** (0,029)	0,162*** (0,029)	0,004 (0,028)	-0,061** (0,029)	-0,043 (0,029)
Агентность	0,043*** (0,013)	-0,003 (0,012)	0,002 (0,012)	0,001 (0,012)	0,036*** (0,012)	0,031*** (0,012)
Доверие к соседям	0,122*** (0,036)	-0,094*** (0,035)	0,042 (0,034)	-0,064* (0,033)	0,067** (0,034)	0,081** (0,034)
Пол	0,266*** (0,058)	0,261*** (0,056)	-0,306*** (0,055)	0,211*** (0,053)	0,286*** (0,055)	0,198*** (0,056)
Возраст	0,001 (0,002)	-0,007*** (0,002)	0,008*** (0,002)	0,005*** (0,002)	-0,002 (0,002)	-0,018*** (0,002)
Образование	0,120** (0,038)	0,022 (0,037)	-0,168*** (0,037)	0,021 (0,035)	0,161*** (0,036)	0,135*** (0,037)
Субъективный доход	-0,060* (0,033)	-0,075** (0,032)	-0,009 (0,031)	-0,070** (0,030)	-0,038 (0,031)	-0,020 (0,032)
N	1235	1235	1281	1281	1313	1310
Скорректированный R ²	0,105	0,141	0,115	0,183	0,072	0,113

Примечание. * — 10%-ный уровень значимости; ** — 5%-ный уровень значимости; *** — 1%-ный уровень значимости.

Результаты анализа показывают, что разные компоненты экологической культуры ассоциируются с различными детерминантами. **Региональная идентичность** значимо связана с четырьмя компонентами из шести (кроме природы

и экоучастия), при этом континтуитивно с локальными проблемами она связана отрицательно, а с глобальными проблемами — положительно. Таким образом, влияние региональной идентичности на данные компоненты можно охарактеризовать как частичное. Влияние экоконсерватизма более выраженное: экотрадиционализм значим во всех моделях, кроме экономики, везде с ожидаемым знаком. Экодирижизм значим в четырех моделях из шести (кроме природы и экоучастия) с разными знаками. Установка на ведущую роль государства в решении экопроблем положительно связана с локальными проблемами и приоритетом экономики и отрицательно — с глобальными проблемами и экопотреблением. *Агентность* (вера в свою способность управлять своей жизнью) ожидаемо положительно связана с решением локальных проблем, экопотреблением и экоучастием; при этом с решением глобальных проблем этот предиктор связан незначимо и отрицательно. *Доверие к соседям* значимо для пяти компонент, также с разными знаками: оно положительно связано с локальными проблемами, экопотреблением и экоучастием, отрицательно — с глобальными проблемами и природой. То есть агентность и доверие к соседям ведут себя сходным образом. Социально-демографические контрольные переменные проявляются довольно предсказуемо. Пол во всех моделях значим: женщины положительно связаны со всеми компонентами экологической культуры, кроме экономики (мужской пол). Возраст показывает разнонаправленные результаты: более молодые респонденты ассоциируются с глобальными проблемами и экоучастием, более пожилые — с экономикой и природой, связь с остальными компонентами незначима. Образование, как правило, положительно связано со всеми компонентами, кроме экономики (там связь отрицательная). Субъективный доход во всех моделях связан отрицательно (то есть у бедных более высокие значения), но значимость определена только в моделях с локальными и глобальными проблемами, а также с природой. Таким образом, выдвинутые в работе гипотезы получают, как минимум, частичное подтверждение. Региональная идентичность значима, хотя и не во всех моделях. Экоконсерватизм (преимущественно экотрадиционализм) значим практически во всех моделях. Локальная агентность значима в моделях с локальными проблемами, экопотреблением и экоучастием. Несмотря на то что доля объясненной вариации (R -квадрат) во всех моделях невысока — от 7 до 18%, для моделей с данными индивидуального уровня это не столь критично.

Региональная идентичность важна, но далеко не всегда. Иными словами, экологические ценности и паттерны поведения могут оказаться значимыми и без привязки к своей местности. Разнообразие выявленных связей показывает, что разные детерминанты влияют на отдельные компоненты, и единообразной модели экологической культуры в России нет. При этом, к сожалению, имеющихся данных пока не хватает для выделения эмпирически обоснованных четких профилей отличных экологических культур.

В то же время стоит отметить, что предлагаемая модель все же делает основной акцент на положительной связи между экологической культурой и экоконсервативными установками, региональной идентичностью и местными связями. Анализ показывает, что респондентов во многом волнует не природа вообще, а именно своя, или традиционная, природа. Такая интерпретация отличается от понимания энвайроментализма как части постматериалистических ценностей. «Обычные» материалисты — женщины с высшим образованием и низким дохо-

дом — вполне готовы вовлекаться в защиту окружающей среды. Этот профиль едва ли соотносится с образом «условной Греты Тунберг», но, возможно, является более массовым, как минимум, в российских реалиях.

Заключение

Изначальной целью данного исследования была проверка наличия разнообразия экологических культур в России, в том числе в региональном разрезе. Было подтверждено, что концепт экологической культуры является весьма сложным и требует дальнейшей теоретической и эмпирической проработки. Разделение экокультуры на традиционную и модернизационную представляется слишком большим упрощением. В работе предложена модель на основе ценностно-нормативных и поведенческих аспектов, состоящая из шести эмпирически измеряемых компонент, созданных на базе метода анализа главных компонент исходя из ответов на большое число вопросов. Не настаивая на универсальности и завершенности данной модели, автор исследования считает, что она представляет собой некоторый шаг вперед в изучении экокультуры в российском контексте. Об этом свидетельствуют как связанность выделенных компонент, так и ассоциация с указанными детерминантами. Предлагая и проверяя подобные эмпирические взаимосвязи, мы приближаемся к теоретическому и эмпирическому выделению различных экологических культур.

С содержательной точки зрения результаты не свидетельствуют о том, что российские респонденты отдают приоритет исключительно локальным проблемам. Их волнуют и глобальные проблемы, они не отгораживаются от мировой «зеленой» повестки. Заметно выделяется приоритет экономического развития (над природой): отрицательная связь с другими компонентами указывает на противоречие между экономическим ростом и сохранением природы. При этом нельзя сказать, что у респондентов явно определен приоритет экономических проблем над экологическими, хотя эти приоритеты и противоположны. Интересно, что на уровне регрессионного анализа выделяется поведенческий аспект: существует некоторое различие в том, что респонденты говорят и что думают. Несколько неожиданный результат заключается в отсутствии различий по регионам. Региональная идентичность как фактор явно не доминирует, хотя оказывает очевидное влияние. Привязка к *своей* природе имеет значение для россиян, хотя и не такое важное, как предполагалось. На наш взгляд, один из самых интересных результатов — подтверждение ранее полученного вывода о взаимосвязи консерватизма/традиционализма и экокультуры [10]. Как ценностный, так и поведенческий аспекты показывают положительную связь с экоконсервативными установками. Это еще раз подтверждает, что экокультура в России в большей степени ассоциируется не с постматериалистическими, а, наоборот, с консервативными ценностями.

Используя определения, приведенные в известной книге Алмонда и Вербы «Гражданская культура» [13], можно было предположить как наличие схожих типов не политической, а экологической культуры («приходская», «подданническая» и «партиципаторная»), так и преобладание в России как раз «приходской» экокультуры. Однако проведенное исследование показывает, что российская экологи-

ческая культура далека от «приходской». Россиян волнуют глобальные проблемы, они движимы не только привязкой к своей природе, им не чужд экологический активизм — и это при низком уровне распространения постматериалистических ценностей. В связи с этим необходимы дальнейшие исследования для уточнения и развития концепта экологической культуры в России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований имени Р.Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель департамента политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). **Телефон:** +7 (812) 560-04-43. **Электронная почта:** ascherbak@hse.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 31–49. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.2**

Research Article

ANDREY N. SHCHERBAK¹

¹ HSE University.

55-2, Sedova str., 192171, Saint-Petersburg, Russian Federation.

“LOCAL” OR “GLOBAL”? TESTING THE DETERMINANTS OF ENVIRONMENTAL CULTURE IN RUSSIA

Abstract. The research puzzle addressed by the author of this paper is the discrepancy between theoretical models of environmentalism based on post-materialist values and empirically observed eco-activism in Russia, which is increasingly associated with conservative attitudes. The proposed model includes both value-normative and behavioral aspects, consisting of 6 empirically measured components: the importance of local and global environmental problems, the priority of nature conservation or economic growth, environmental consumption and environmental participation. The main assumption is the presence of a variety of environmental cultures and testing a number of determinants of the suggested components. To test the hypotheses, data were used from a survey titled “Environmental Values and Environmental Behavior in the Regions of Russia” that was conducted in 6 regions of Russia in the spring-summer of 2024 ($N = 1950$). Using the methods of principal component analysis, T-test, correlation and regression analysis, the study both confirmed the validity of the proposed eco-culture model and revealed at least partial interrelations of the proposed components with a number of determinants: regional identity, eco-conservatism and local agency. The results did not allow for identifying significant regional differences, however they did not show respondents’ focus exclusively on local problems. Active involvement in solving various environmental issues is very much associated with traditionalist attitudes. A further search is required for eco-culture models that include an active attitude towards nature conservation and traditionalism.

Keywords: environmental culture; regional identity; conservatism; values; environmental attitudes; environmental behavior.

For citation: Shcherbak, A.N. “Local” or “Global”? Testing the determinants of environmental culture in Russia. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 31–49. DOI: [10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.2](https://doi.org/10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.2)

Acknowledgment. This research was carried out under support the Russian Scientific Foundation grant No. 23-18-00661, “Regional and ethnic identities as a factor in grassroots politicization and the formation of ecological culture: cross-regional analysis of value attitudes and behavioral strategies”, URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey N. Shcherbak — Candidate of Political Sciences, Deputy Head of the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University. **Phone:** +7 (812) 560-04-43. **Email:** ascherbak@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гегер А.Э., Гегер С.А. Факторы экоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 65–76. DOI: [10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544) EDN: VRWALJ
Geger A.E., Geger S.A. Factors of Eco-activism in Russia. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. 2018. No. 10. P. 65–76. DOI: [10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544](https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cvap-7544) (In Russ.)
2. Иванова А., Агисова Ф., Сауткина Е. Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэммерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. DOI: [10.54359/ps.v13i70.199](https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199) EDN: RYJHJK
Ivanova A., Agisova F., Sautkina E. Pro-environmental Behavior in Russia: Adaptation of the Cameron Brick Scale and Connection with Environmental Concerns. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2020. Vol. 13. No. 70. DOI: [10.54359/ps.v13i70.199](https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199) (In Russ.)
3. Курбанов А.Р., Прохода В.А. Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 347–370. DOI: [10.14515/monitoring.2019.4.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17) EDN: GPQGFQ
Kurbanov A.R., Prokhoda V.A. Ecological culture: an empirical projection (attitudes of Russians towards climate change). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. No. 4. P. 347–370. DOI: [10.14515/monitoring.2019.4.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.17) (In Russ.)
4. Прохода В.А. Образование как фактор формирования экологической культуры жителей европейских стран // Знание. Понимание. Умение. 2021. №. 2. С. 149–163. DOI: [10.17805/zpu.2021.2.11](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.2.11) EDN: QOECQO
Prokhoda V.A. Education as a Factor of Formation of the Ecological Culture of European Residents. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2021. No. 2. P. 149–163. DOI: [10.17805/zpu.2021.2.11](https://doi.org/10.17805/zpu.2021.2.11) (In Russ.)
5. Сауткина Е.В., Агисова Ф.Б., Иванова А.А., Иванде К.С., Кабанова В.С. Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 172–193. DOI: [10.17759/exppsy.2022150213](https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213) EDN: LOWNEP
Sautkina E.V., Agisova F.B., Ivanova A.A., Ivande K.S., Kabanova V.S. Environmental Behavior in Russia. A Systematic Review of Research. *Eksperimental'naya psichologiya*. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 172–193. DOI: [10.17759/exppsy.2022150213](https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213) (In Russ.)
6. Смигельски А., Соколов Б.О., Немировская А.В. Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. № 23 (2). С. 283–310. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-2-283-310](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310) EDN: AREDLQ
Smigelsky A., Sokolov B.O., Nemirovskaya A.V. Environmental Attitudes and Emancipative Values: Analysis of Data from the European Values Survey. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2024. No. 23 (2). P. 283–310. DOI: [10.17323/1728-192x-2024-2-283-310](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310) (In Russ.)
7. Тулаева С.А., Снарский Я.А. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2022. № 3. С. 4–33. DOI: [10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33) EDN: DAGTPG

- Tulaeva S.A., Snarskiy Y.A. Green Nationalism in a Resource-Based State: Environmental Agenda and National Identity in Russian Regions. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanii*. 2022. No. 3. P. 4–33. DOI: [10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33) (In Russ.)
8. Туровец М. Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов / Отв. ред. С. Ерпилева, А. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 351–385.
- Turovets M. Opposition to Depoliticization: the Movement Against Nickel Mining in the Voronezh Region. *Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013*. Ed. by S. Erpyleva, A. Magun. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014. P. 351–385. (In Russ.)
9. Шербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С. «Зеленые» охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем // Мир России. 2024. Т. 33. № 1. С. 84–114. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114) EDN: **BIFCJL**
- Scherbak A.N., Zubarev N.S., Semushkina E.S. (2024) ‘Green Guardians’: Russian Conservatives’ Views on Solutions to Environmental Problems. *Mir Rossii*. Vol. 33. No. 1. P. 84–114. DOI: [10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114) (In Russ.)
10. Шербак А.Н., Зубарев Н.С., Семушкина Е.С. Почвенники — за почву! Консервативные установки и проэкологическое поведение в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 66–89. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2801](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801) EDN: **ULYIMI**
- Shcherbak A.N., Zubarev N.S., Semushkina E.S. ‘Pochvenniki’ — For the Soil! Conservative Attitudes and Pro-Environmental Behavior in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2025. No. 2. P. 66–89. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2801](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801) (In Russ.)
11. Яницкий О.Н. Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161. EDN: **PFFIVE**
- Yanitskii O.N. Ecological culture of Russia in the 20th century: an essay on socio-cultural dynamics. *Istoria i sovremennost'*. 2005. No. 1. P. 136–161. (In Russ.)
12. Яницкий О.Н. Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 5–21. EDN: **PBDRHB**
- Yanitskii O.N. A Social capital of the Russian environmental movement. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2009. No. 4. P. 5–21. (In Russ.)
13. Almond G.A., Verba S. *The civic culture-political attitudes and democracy in five nations*. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1963. 576 p. DOI: [10.1515/9781400874569](https://doi.org/10.1515/9781400874569)
14. Beeson M. *Environmental Populism: The Politics of Survival in the Anthropocene*. L.: Palgrave Macmillan, 2019. 139 p. DOI: [10.1007/978-981-13-7477-7](https://doi.org/10.1007/978-981-13-7477-7)
15. Dunlap R.E. Trends in public opinion toward environmental issues: 1965–1990. *Society and Natural Resources*. 1991. Vol. 4, No. 3. P. 285–312. DOI: [10.1080/08941929109380761](https://doi.org/10.1080/08941929109380761)
16. Dunlap R.E., Gallup G., Gallup A. Global environmental concern: Results from an international public survey. *Environment*. 1993. No. 35. P. 7–39. DOI: [10.1080/00139157.1993.9929122](https://doi.org/10.1080/00139157.1993.9929122)
17. Forchtner B. *The Far Right and the Environment: Politics, Discourse and Communication*. L.: Routledge, 2019. 356 p. DOI: [10.4324/9781351104043](https://doi.org/10.4324/9781351104043)
18. Inglehart R. *The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics*. Princeton University Press, 1977. 481 p.
19. Kaiser F.G., Wölfing S., Fuhrer U. Environmental attitude and ecological behavior. *Journal of Environmental Psychology*. 1999. Vol. 19. No. 1. P. 1–19. DOI: [10.1006/jevp.1998.0107](https://doi.org/10.1006/jevp.1998.0107)

20. Kaiser F.G., Doka G., Hofstetter P., Ranney M.A. Ecological behavior and its environmental consequences: A life cycle assessment of a self-report measure. *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. No. 1. P. 11–20. DOI: [10.1016/S0272-4944\(02\)00075-0](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00075-0)
21. Kvaløy B., Finseraas H., Listhaug O. The publics' concern for global warming: A cross-national study of 47 countries. *Journal of Peace Research*. 2012. Vol. 49. No. 1. P. 11–22. DOI: [10.1177/0022343311425841](https://doi.org/10.1177/0022343311425841)
22. Kuzmina Y. The Defenders of Shiyes: Traditionalism as a Mobilisation Resource in a Russian Protest Camp. *East European Politics*. 2023. No. 39 (2). P. 260–280. DOI: [10.1080/21599165.2022.2092842](https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2092842)
23. Schultz P.W., Gouveia V.V., Cameron L.D., Tankha G., Schmuck P., Franěk M. Values and their relationship to environmental concern and conservation behavior. *Journal of cross-cultural psychology*. 2005. Vol. 36. No. 4. P. 457–475. DOI: [10.1177/0022022105275962](https://doi.org/10.1177/0022022105275962)
24. Welzel C. *Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 472 p. DOI: [10.1017/CBO9781139540919](https://doi.org/10.1017/CBO9781139540919)

Статья поступила в редакцию: 04.07.2025; поступила после рецензирования и доработки: 15.09.2025; принята к публикации: 18.09.2025.

Received: 04.07.2025; revised after review: 15.09.2025; accepted for publication: 18.09.2025.